

ДЖЕК КЕРУАК

18+

ПОДЗЕМНЫЕ. ЖИВ.

Джек Керуак

Подземные. Жив

Серия «От битника до Паланика»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68903598

Подземные. Жив:
ISBN 978-5-17-152764-8

Аннотация

Джек Керуак (Жан-Луи Лебри де Керуак, 1922–1969) – писатель-эпоха, писатель-парадокс, посеявший ветер и не успевший толком узнать, что пожал бурю, не утихшую и в наши времена.

Два очень разных и равно талантливых произведения Джека Керуака. Небольшой и полностью автобиографичный роман «Подземные», по легенде, написанный всего за три дня, о страстной, болезненной любви-одержимости белого парня к чернокожей красавице, роман, наполненный рвущими душу голосами джаза, потоками алкоголя и иступленной, на износ и наотмашь, жизнью молодой богемы 50-х. И повесть «Жив» – трагикомическая сага, написанная от лица неунывающего мальчишки из южной глубинки.

Содержание

Подземные	5
1	5
2	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Джек Керуак

Подземные

Жив

Jack Kerouac

THE SUBTERRANEANS

PIС

© Estate of Jack Kerouac, 1958

© Перевод. М. Немцов, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Подземные

1

Когда-то я был молод и гораздо лучше разбирался в окружающем и мог с нервической разумностью говорить о чем угодно а также ясно и без этих вот литературных прелюдий; иными словами вот вам история несамоуверенного человека и в то же время эгоманьяка, естественно, игривость тут не годится – просто начать сначала и пускай истина себе просачивается, так и сделаю – . Началось теплой летней ночью – ах, она сидела на крыле с Жюльеном Александром который... давайте вообще начну с истории подземных Сан-Франциско...

Жюльен Александр – ангел подземных, а имя «подземные» придумал Адам Мурэд, а – он поэт и мой друг сказавший: «Они хиповы но не поверхностны, они разумны но не банальны, они интеллектуальны как черти и всё знают про Паунда без претензий или чрезмерной болтовни, они очень спокойны, они очень похожи на Христа». Сам Жюльен явно смахивает на Иисуса. Я шел по улице с Лэрри О'Харой, старым моим собутыльником по тем долгим взбалмошным и безумным периодам в Сан-Франциско когда я надирался и по сути выжувливал выпивку у друзей с регулярностью до

того «добродушной» что всем просто в лом было ее замечать или объявлять во всеуслышанье что во мне развиваются или уже развились с юности такие дурные шаровые наклонности хотя конечно всё они замечали но я им нравился и как сказал Сэм: «Все приходят к тебе заправиться парень, ну у тебя там и бензоколонка», – или что-то в том же духе – старина Лэрри О’Хара всегда со мною мил, чокнутый молодой предприниматель-ирландец из Сан-Франциско с прямо бальзаковской какой-то каморкой в глубине своей книжной лавки где покуривают чаёк и говорят о былых днях великого оркестра Бейси или былых днях великого Чу Берри – о котором больше чуть позже поскольку она и с ним тоже спуталась потому как неминуемо путалась со всеми ибо знала меня а я нервен и многоуровнев и ни в малейшей степени не однодушен – ни кусочка моей боли – или страдания – еще не проявилось – Ангелы, будьте ко мне снисходительны – я даже не смотрю на страницу а смотрю прямо перед собой на грустное мерцание стены в моей комнате и на радио-КРОУ-шоу Сары Вон Джерри Маллигана на столе в форме радиоприемника, иными словами они сидели на крыле машины перед баром «Черная Маска» на Монтгомери-стрит, Жюльен Александр Христоподобный небритый тощий моложавый спокойный странный про такого вы или Адам почти могли бы сказать апокалиптический ангел или святой подземных, совершенно явно звезда (теперь), и она, Марду Фокс, чье лицо – когда я впервые увидел его в баре

у Данте за углом – навело меня на мысль: «Ей-Богу, я должен увлечься этой маленькой женщиной» а может еще и потому что она была негритянкой. К тому же у нее было такое же лицо как и у Риты Сэвидж подруги детства моей сестры, и о которой среди всего прочего я грезил средь бела дня – как она у меня между ног на коленях на полу туалета, а я на стульчаке, с ее особыми прохладными губами и по-индейски резкими высокими мягкими скулами – то же лицо, но темное, милое, с небольшими глазами честными блестящими и напряженными она, Марду склонялась что-то крайне убедительно говоря Россу Валленстайну (другу Жюльена) наклонившись над столом, глубоко – «Я должен ею увлечься» – я пытался стрельнуть в нее радостным взглядом сексуальным взглядом на который она так и не догадалась поднять голову или увидеть его – Надо объяснить, я только-только сошел с парохода в Нью-Йорке, меня рассчитали до рейса на Кобэ Япония из-за лажи с буфетчиком и моей неспособности быть милосердным и поистине человеческим и вообще обычным парнем выполняющим обязанности дневального в кают-компании (вы же теперь не можете не признать что я придерживаюсь фактов), что для меня типично, я относился к стармеху и другим офицерам с таким вежливым подобострастием, что чуть ли не в ноги им падал, это, в конце концов, разозлило их, они захотели от меня чего-то услышать, может чтоб я рывкнул поутру, ставя им кофе на столик а вместо этого молча на мягких подошвах я спешил выполнить

малейшее их пожелание и ни разу не улыбнулся, а если и да, то гадко, эдак свысока, всё это из-за ангела одиночества сидевшего у меня на плече пока я спускался по теплой Монтгомери-стрит в тот вечер и увидел Марду на крыле вместе с Жюльеном, припомнив: «О вон девчонка которой мне надо увлечься, интересно ходит ли она с кем-нибудь из этих парней» – темно, на тусклой улице и не разглядишь – ее ноги в сандалетах-шлепанцах такого сексуально привлекательного величия что я захотел поцеловать ее, их – хоть и без малейшего понятия о чем бы то ни было.

Подземные теплой ночью тусовались у «Маски», Жюльен на крыле, Росс Валленстайн стоя, Роджер Белуа великий тенор-саксофонист бопа, Уолт Фицпатрик который был сыном знаменитого режиссера и вырос в Голливуде посреди вечеринок у Греты Гарбо под утро когда пьяным вваливался Чаплин, еще несколько девчонок, Хэрриет бывшая жена Росса Валленстайна такая блондинка с мягкими невыразительными чертами одетая в простое ситцевое платьишко почти что кухонный халатик домохозяйки но живот наполняет мягкая сладость когда смотришь на нее – поскольку следует сделать еще одно признание, а до скончания века мне предстоит еще и не одно – я грубо по-мужски сексуален и ничего не могу с собой поделать и обладаю распутными и так далее наклонностями да и почти все мои читатели мужского пола без сомнения таковы – признание за признанием. Я кэнак¹, я не

¹ Канадец французского происхождения. – *Здесь и далее примеч. пер.*

мог говорить по-английски лет до 5 или 6, в 16 разговаривал с акцентом запинаясь и в школе был здоровенным заморышем хотя позднее и участвовал в универном баскетболе и если б не он никто бы не заметил что я могу справиться с окружающим миром (недосамоуверенность) и меня бы точно запихали в шизарню за то или иное отклонение.

Но теперь позвольте мне сказать сама Марду (трудно сделать настоящее признание и показать что произошло когда ты такой эгоманьяк что можешь лишь пускаться в огромные абзацы с незначительными подробностями про самого себя и со значительными душевными подробностями про других что сидят вокруг и ждут) – в общем, значит, там был еще Фриц Николас титулованный вожак подземных, которому я сказал (встретившись с ним в канун Нового года в шикарной квартирке на Ноб-Хилле сидючи по-турецки как пейотовый индеец на толстом ковре и чокнутая девчонка типа Айседоры Дункан с длинными голубыми волосами у него на плече курила коноплю и говорила о Паунде и пейоте) (тощий тоже Христообразный со взглядом фавна и молодой и серьезный как отец для всей компании, так скажем, вдруг его можно было увидеть в «Черной Маске» он сидел откинув голову узкие черные глаза наблюдали за всеми как бы во внезапном медленном изумлении и «Вот они мы малютки и что теперь дорогие мои», но был он еще и первосортным торчком, он хотел оттяга в любой форме в любое время и очень интенсивно) я ему сказал: «Ты знаешь эту девчонку, темнень-

кую?» – «Марду?» – «Ее так зовут? С кем она ходит?» – «Как раз сейчас ни с кем в особенности, это в свое время была кровосмесительная компания», очень странную вещь он мне сказал, пока мы шли к его старому битому «шеви» 36 года без заднего сиденья запаркованному через дорогу от бара с целью насшибать немного чаю чтоб нам быть всем вместе, как я и сказал Лэрри: «Чувак, давай достанем чаю» – «А на фиг тебе все эти люди?» – «Я хочу врубиться в них как в группу», произнеся это, к тому же, перед Николасом чтобы тот быть может оценил мою способность прочувствовать будучи в компании посторонним и все же непременно, и т. д., восприняв их ценность – факты, факты, милая философия давно уж покинула меня и соки прочих лет истекли – кровосмесительные – была еще одна окончательно великая фигура в той компании которая однако этим летом тусовалась не здесь а в Париже, Джек Стин, очень интересный паренек лесли-хауардовского склада ходивший (как Марду мне потом изобразила) на манер венского философа размахивая мягкими руками слегка боковыми потоками и длинными медленными текучими шагами, останавливаясь на углу в надменной мягкой позе – он тоже имел отношение к Марду как я узнал потом самым диковинным образом – но теперь он стал моей крошкой информации об этой девушке которой я СТРЕМИЛСЯ увлечься как будто и так не было печали или прочие застарелые романчики не преподали мне этого урока боли, продолжаю просить его, просить жизни...

Из бара выплескивались интересные люди, ночь производила на меня великое впечатление, какой-то темный Марлон Брандо с прической как у Трумэна Капоте с прекрасной худющей мальчонкой или девчонкой в мальчишечьих брючках со звездами в глазах и бедрами казавшимися такими мягкими что когда она засовывала руки в карманы я видел разницу – и темные тонкие ножки в брючинах ниспадали к маленьким ступням, и что за лицо, и с ними парень с другой красивой куколкой, парня зовут Роб и он что-то вроде израильского солдата-авантюриста с британским выговором которого наверняка можно было бы застать в каком-нибудь баре на Ривьере в 5 утра за выпиванием чего ни попадя в алфавитном порядке с кодлой забавных чокнутых друзей из международной тусовки в загуле – Лэрри О'Хара познакомил меня с Роджером Белуа (я не верил что этот молодой человек с заурядной физиономией стоявший передо мною был тем самым великим поэтом которому я поклонялся в юности, в своей юности, в моей юности, то есть в 1948-м, я продолжаю повторять свою юность). – «Это Роджер Белуа? – Я Беннетт Фицпатрик» (отец Уолта) отчего на лице Роджера Белуа возникла улыбка – Адам Мурэд к этому времени вынырнувший из ночи тоже стоял там и ночь готова была раскрыться...

И вот значит мы все и впрямь поехали к Лэрри и Жюльен сидел на полу перед развернутой газетой в которой был чай (низкокачественный лос-анджелесский но сойдет) и сворачивал, или «скручивал» как Джек Стин, ныне отсутствующий

ций, сказал мне на предыдущий Новый год а то был мой первый контакт с подземными, он тогда спросил не свернуть ли мне косячок а я ответил в натуре очень холодно: «К чему? Я сам себе сворачиваю» и тотчас же тучка набежала на его чувствительное личико, и т. д., и он меня возненавидел – и поэтому ломил меня всю ночь когда только мог – однако теперь Жюльен был на полу, по-турецки, и сам скручивал для всей компании и все бубнили свои разговоры которые я разумеется повторять не стану, ну разве что типа вот такого: «Я смотрю на эту книгу Перспье – кто такой Перспье, его уже замесили?» и прочий треп, или же, слушая как Стэн Кентон говорит о музыке завтрашнего дня и мы слышим как вступает новый молодой тенор, Риччи Комучча, Роджер Белуа говорит, раздвигая выразительные тонкие лиловые губы: «И это – музыка завтрашнего дня?» а Лэрри О’Хара рассказывает свои лежалые анекдоты из обычного репертуара. В «шеви-36» по пути Жюльен, сидя рядом со мною на полу, протянул руку и сказал: «Меня зовут Жюльен Александр, во мне кое-что есть, я покори́л Египет», а потом Марду протянула руку Адаму Мурэду и представилась, сказав: «Марду Фокс», но и не подумала проделать так со мной отчего уже следовало насторожиться первым предчувствием того что грядет, поэтому пришлось самому протянуть ей руку и сказать: «Лео Перспье меня зовут» и пожать – ах, всегда ведь тянет к тем кто на самом деле тебя не хочет – на самом деле она хотела Адама Мурэда, ее только что холодно и подземно отверг

Жюльен – ее интересовали худые аскетичные странные интеллектуалы Сан-Франциско и Беркли а вовсе не здоровущие бичи-параноики пароходов и железных дорог и романов и всей этой ненавистности которая мне самому во мне столь очевидна и другим поэтому тоже – хотя и поскольку на десять лет моложе меня не видя ни единого из моих достоинств которые все равно давно уже как утоплены годами наркоты и желания смерти, сдаться, бросить все и забыть все, умереть в темной звезде – это я протянул руку, не она – ах время!

Но пожирая глазами ее маленькие чары на переднем плане я лелеял только одну мысль: я должен погрузить все свое одинокое существо («Большой печальный одинокий человек», вот что она мне сказала как-то вечером уже потом, вдруг увидев меня в кресле) в теплую ванну и в спасение ее бедер – близости юных любовников в постели, улетев, лицом к лицу глаза в глаза грудь к груди обнаженные, орган к органу, колено к дрожащему колену покрытому гусиной кожей, обмениваясь экзистенциальным и любовные акты чтобы постараться и чтобы получилось – «получается» – это ее особое словечко, я вижу чуть выпирающие зубки под красными губами когда видно что «получается» – ключ к боли – она сидела в углу, у окна, она была «отделена» или «отстранённа» или «готова оторваться от этой компании» по своим собственным причинам. – В угол я и пошел, склонив голову вовсе не к ней а к стене и попробовал наладить безмолвную связь, затем тихие слова (как пристало вечеринке) и слова

принятые на Северном Пляже: «Что ты читаешь?» и впервые она открыла рот и заговорила со мной сообщая полную мысль и сердце мое не совсем оборвалось но удивилось стоило мне услышать смешные культурные интонации отчасти Пляжа, отчасти образца «Ай-Мэгнина», отчасти Беркли, отчасти негритянского высшего класса, нечто, смесь *langue* и такого стиля говорить и подбирать слова какого я никогда раньше не слышал если не считать некоторых редких девчонок конечно же белых и такого странного что даже Адам сразу заметил и заметил мне в ту ночь – но явно манера говорить нового боп-поколения, когда говоришь о себе не говоришь «я», а говоришь «йа» или «ё» и растянуто так, типа как в старину бывало, «женственная» такая манера произношения поэтому когда слышишь ее у мужчин звучит сначала противно а когда слышишь у женщин это очаровательно но слишком уж странно, и звук который я уже определенно и озадаченно услышал в голосах новых певиц боба вроде Джерри Уинтерз особенно с оркестром Кентона на пластинке «Да Папочка Да» и может быть у Джери Саузерн тоже – но сердце мое оборвалось поскольку Пляж всегда ненавидел меня, отторгал меня, недооценивал меня, срал на меня, с самого начала в 1943 году и дальше – ибо глядите, идя вниз по улице я какой-то громила а потом когда они узнают что я вовсе не громила а некий сумасшедший святой им это не нравится и более того они боятся что я вдруг все равно превращусь в громилу и вломлю им и что-нибудь сокрушу и я все равно

чуть ли так и не делал а в отрочестве и подавно, как однажды я ошивался по Северному Пляжу со стэнфордской баскетбольной командой, в особенности с рыжим Редом Келли чья жена (недаром?) умерла в Редвуд-Сити в 1946-м, а за нами вся команда с боков брата Гарётта, он пихнул скрипача педика в парадное а я впихнул другого, он своего замочил, я на своего вызверился, мне было 18, я был совсем щегол свеженький как маргаритка к тому же – теперь, видя это свое прошлое в оскале и в зверстве и в ужасе и в биенье моей лобной гордости они не хотели иметь со мной ничего общего, и я поэтому конечно тоже знал что у Марду настоящее подлинное недоверие и нелюбовь ко мне и я сидел там «пытаясь (не чтоб получилось **ВООБЩЕ**) а получить ее» – нехиппово, нагло, улыбаясь, фальшиво истерично «принужденно» давя улыбу они это называют – я жаркий – они прохладные – на мне к тому же была весьма ядовитая совсем неподобающая у них на Пляже рубашка, купленная на Бродвее в Нью-Йорке когда я думал что буду рассекать вниз по трапу в Кобэ, дурацкая расписная гавайская распашонка с Кросби-стрит, которую по-мужски и тщеславно после первоначальных честных унижений своего обычного я (в самом деле) выкурив пару косяков я чувствовал себя принужденным расстегнуть на лишнюю пуговицу и тем показать свою загорелую волосатую грудь – что должно было ей быть отвратительно – в любом случае она и глазом не повела, и говорила мало и тихо – и сосредоточилась на Жюльене который сидел на корточ-

ках спиною к ней – а она слушала и мурлыкала смеясь в общем разговоре – в основном разговором заправляли О’Хара и громогласный Белуа и этот интеллигентный авантюрист Роб а я, слишком молчаливый, слушал, врубался, но в чайном тщеславии то и дело вставлял «совершенные» (как я думал) реплики которые были «слишком уж совершенны» но для Адама Мурэда знавшего меня – все время ясное свидетельство моего почтения и слушания и уважения фактически ко всей компании, а для них этот новый тип вставлявший свои реплики только чтобы показать собственную хиповость – все ужасно, неискупимо. – Хотя в самом начале, перед затяжками, которые передавались по кругу по-индейски, на меня явно снизошло что я могу сблизиться с Марду увлечься ею и заполучить ее в эту самую первую ночь, то есть сняться с нею одной хотя бы только на кофе но с затяжками заставлявшими меня молиться истово и в серьезнейшей потаенности дабы вернулось мое дозатяжечное «здоровье» я стал до крайности несамоуверенным, начал слишком лебезить, положительно уверенный что не нравлюсь ей, ненавидя себя за это – вспоминая теперь первую ночь когда я встретил свою любовь Ники Питерз в 1948-м на хате у Адама Мурэда в (тогда еще) Филлморе, я стоял хладнокровно и пил пиво в кухне как всегда (а дома яростно работая над громаднейшим романом, безумный, ненормальный, уверенный, молодой, талантливый как никогда больше) когда она показала на профиль моей тени на бледно-зеленой

стене и сказала: «Как прекрасен твой профиль», что привело меня в такое замешательство и (как и чай) придало несамодуверенности, внимания, я стал пытаться «ее заполучать», действовать таким образом который по ее почти гипнотическому внушению привел теперь к первым предварительным изысканиям типа гордость против гордости и красоты или блаженственная блажь или чувствительность *против* глупой невротической нервозности фаллического типа, постоянно осознающего собственный фаллос, свою башню, а женщин колодцами – собака-то вот где зарыта, но человек слетел с резьбы, неуспокоенный, да и теперь уже не 1948-й а 1953-й с прохладнокровными поколениями а я на пять лет старше, или моложе, и надо чтобы получилось (или же получать женщин) в новом стиле и избавиться от нервозности – в любом случае я бросил сознательно пытаться заполучить Марду и угомонился решив всю ночь врубаться в замечательную новую непонятную компанию подземных которых Адам открыл и дал им на Пляже имя.

Но изначально Марду и впрямь зависела только от себя и была независима объявляя что никого не желает, не хочет ни с кем ничего общего, закончив (после меня) тем же – что нынче в холодной неблагословенной ночи я чувствую в воздухе, это ее объявление, и что ее маленькие зубки больше не мои а вероятно враг мой упивается ими и обращается с нею по-садистски как она вероятно и любит и как не обращался с нею я – убийство витает в воздухе – и тот блеклый угол

где сияет лампа, и вихряются ветры, бумага, туман, я вижу великое обескураженное собственное лицо и моя так называемая любовь никнет в переулке, не годится – как прежде меланхолично сникали в жарких креслах, усугубленные фазами луны (хотя сегодня великолепная осенняя ночь полнолуния) – там где тогда, прежде, это было признанием нужды в моем возврате ко всемирной любви как должно великому писателю, типа какого-нибудь Лютера, какого-нибудь Вагнера, теперь от этой теплой мысли о величии зябко веет холодом – ибо и величие умирает – ах и кто сказал только что я велик – и предположим кто-то был великим писателем, тайным Шекспиром ночью под подушкой? или в самом деле так – стихотворение Бодлера не стоит его скорби – его скорби – (Это Марду, в конце концов, сказала мне: «Я бы предпочла счастливого человека несчастливым стихам что он нам оставил», с чем я согласен а я Бодлер, и люблю свою смуглую любовницу и тоже склонялся ей на живот и слушал перекасты внутри) – но мне следовало бы понять по ее первоначальному объявлению независимости что пора бы и поверить в искренность ее отвращения ко влеченности, а не бросаться на нее как будто и поскольку я фактически хотел чтобы мне стало больно и желал «истерзать» себя – еще одним терзаньем больше и они задвинут синюю крышку, и в мой ящик плюхнется парень – ибо теперь смерть гнет свои крыла над моим окном, я ее вижу, я ее слышу, я чую ее запах, я вижу ее в вяло повисших рубашках моих которым больше не сужде-

но быть ношенными, ново-старых, стильно-старомодных, галстуки подвешенные змееподобно которые я уже и не надеваю, новые одеяла для осенних мирных постелей теперь корчатся порывами коек в море себяубийства – утраты – ненависти – паранойи – это в ее личико я желал проникнуть и проник...

В то утро когда вечеринка достигла высшей своей точки я был в спальне у Лэрри вновь любуясь красным светом и вспоминая ту ночь когда у нас там была Мики на троих, Адам и Лэрри и я сам, и у нас был бенни и большая сексуальная кутерьма сама по себе слишком поразительная, чтобы ее можно было описать – когда вбежал Лэрри и сказал: «Чувак ты собираешься сегодня ее заполучить?» – «Мне бы конечно хотелось – Не знаю...» – «Ну чувак так ты разберись, времени-то немного осталось, что это с тобой такое, мы притаскиваем всех этих людей в дом и подогреваем всех этим чаем и теперь все мое пиво из лёдника, чувак надо что-то с этого получить, займись-ка...» «О, тебе она нравится?» – «Мне вообще кто угодно нравится если уж на то пошло чувак – но я имею *в виду*, в конце концов». – Что привело меня к краткой натужной неудачной свежей попытке, к какому-то виду, взгляду, реплике, сидя рядом с нею в углу, я сдался и на рассвете она подорвала с остальными а все они пошли пить кофе и я пошел туда же с Адамом чтобы увидеть ее вновь (следом за компанией вниз по лестнице пять минут спустя) и они там были а ее не было, предаваясь независимым темным размышлениям, она свалила к себе в душную квартир-

ку в Небесном переулке на Телеграфном холме.

Поэтому я отправился домой и несколько дней в сексуальных фантазиях моих была она, ее темные ноги, сандалеты, темные глаза, мягкое маленькое смуглое лицо, скулы и губы как у Риты Сэвидж, крохотная скрытная близость и почему-то теперь мягко змеиное очарование как и подобает маленькой худенькой смуглой женщине любящей одеваться в темное, в бедную битовую подземную одежду...

Несколько ночей спустя Адам со мстительной улыбкой объявил мне что столкнулся с нею на Третьей улице в автобусе и они пошли к нему поговорить и выпить и у них произошел большой долгий разговор который по-лероевски завершился кульминацией когда Адам сидел голышом и читал китайскую поэзию и передавал ей кропалик и закончилось все в постели: «А она очень ласковая, боже, как она обхватывает вдруг тебя руками как бы ни по какой другой причине кроме чистой внезапной нежности». – «Ты собираешься ее заполучить? закрутить с нею связь?» – «Ну дай-ка я – вообще-то я тебе скажу – она совсем ага и сильно не в себе – она сейчас лечится, очевидно очень серьезно поехала при том совсем недавно, там что-то из-за Жюльена, лечилась но виду не подавала, садится или ложится читать или же просто ничего не делает а смотрит в потолок весь день напролет у себя там, восемнадцать долларов в месяц в своем Небесном переулке, получает, очевидно, какое-то пособие, завязанное неким образом ее докторами или еще кем на ее нетрудоспо-

собность или как-то вроде – постоянно об этом говорит и впрямь слишком чрезмерна на мой вкус – очевидно у нее настоящие галлюцинации про монахинь в приюте где она выросла и она их видит и по-настоящему боится – но тут и что-то еще, видать она ширяется хотя ширяться она никогда не пробовала а только знала торчков», – «Жюльена?» – «Жюльен ширяется когда только может а это нечасто поскольку у него нет денег а стать он как бы хочет настоящим торчком – но в любом случае у нее были глюки что она не торчит как надо в контакте а на самом деле ее кто-то или что-то как-то тайно подсаживает, люди идущие за нею по улицам, скажем, полная чума – и для меня это чересчур – и, в конце концов, то что она негритянка я не хочу впутываться с потрохами». – «Она хорошенькая?» – «Она прекрасна – но у меня не получается». – «Но парень я в натуре в нее врубаюсь как она выглядит и все такое прочее». – «Ну ладно чувак тогда у тебя получится – вали к ней, я дам тебе адрес, или еще лучше, я приглашу ее сюда и мы поговорим, и ты можешь попробовать если захочешь но хоть у меня к ней и горячее чувство в сексуальном смысле и все такое я по правде не хочу углубляться в нее дальше не только по всем этим причинам но и наконец, самая большая в том, если я завяжусь с девчонкой то хочу быть постоянным типа всерьез и постоянно и надолго а с нею я так не могу». – «Я бы хотел долго постоянно и так далее». – «Ну поглядим».

Он сообщил в какой вечер она зайдет перекусить тем что

он ей приготовит поэтому я там тоже был, курил чай в красной гостиной, с зажженной тусклой красной лампочкой, и зашла она – выглядела так же но на мне теперь была простая синяя шелковая спортивная рубашка и модные штаны и я откинулся на спинку четко чтоб напустить на себя сдержанность надеясь что она это заметит и в результате дама вошла в гостиную а я не поднялся.

Пока они ели в кухне я делал вид что читаю. Делал вид что не обращаю ни малейшего внимания. Мы вышли прогуляться втроем и к тому времени все вместе уже наперебой трепались как трое добрых друзей которые хотят друг в друга войти и высказать все что у них на душе, дружеское соперничество – мы пошли в «Красный Барабан» послушать джаз которым в ту ночь был Чарли Паркер с Гондурасом Джоунзом на барабанах и другие интересные, вероятно Роджер Белуа тоже, кого я теперь хотел увидеть, и то возбуждение мягконочного сан-францисского боба в воздухе но полностью в клевом сладком безнапряжном Пляже – поэтому мы фактически бежали, от Адама с Телеграфного холма, вниз по белой улочке под фонарями, бежали, прыгали, выпендривались, веселились – в нас все ликовало и что-то пульсировало и мне было приятно что она может ходить так же быстро как и мы – милая худенькая сильная маленькая красавица рассекать с нею вдоль по улице притом такая ослепительная что все оборачиваются посмотреть, странный бородатый Адам, темная Марду в странных брючках, и я, здоровый ликующий

громила.

И вот мы оказались в «Красном Барабане», столик заставленный пивом несколькими то есть и все банды то вваливались то вываливались, платя доллар с четвертью у двери, маленький с-понтон-хипповый хорек продавал там билеты, Пэдди Кордаван вплыл внутрь как было предсказано (большой длинный светловолосый типа тормозного кондуктора подземный с Восточного Вашингтона похожий на ковбоя в джинсах зашедшего на дикую поколенческую пьянку всю в дыму и безумии и я завопил «Пэдди Кордаван?» и «Ага?» и он подвалил к нам) – все сидели вместе, интересными компаниями за разными столиками, Жюльен, Роксанна (женщина 25 лет пророчествующая будущий стиль Америки короткими почти под машинку но с кудряшками черными змеящимися волосами, змеящейся походкой, бледным бледным торчковым анемичным личиком а мы говорим торчковое но как бы когда-то выразился Достоевский? если не аскетичное или святое? но ни в малейшей степени? но холодное бледное фанатичное лицо холодной голубой девушки и одетой в мужскую белую но с манжетами расстегнутыми развязанными у пуговиц так что я помню как она перегибалась разговаривая с кем-то после того как прокралась по танцплощадке с текучими плечами в поводу, согнувшись поговорить держа в руке краткий бычок и аккуратное резкое движение каким стряхивала с него пепел но вновь и вновь длинными длинными ногтями в дюйм длиной и тоже восточными и змееобраз-

ными) – компании всевозможнейшие, и Росс Валленстайн, толпа, и наверху на эстраде Птица Паркер с торжественными глазами которого довольно-таки недавно заметили и он теперь вернулся в какой-то мертвый в смысле бопа Фриско но только что обнаружил или же ему рассказали про «Красный Барабан», банду великого нового поколения что завывает и собирается там, поэтому вот он на сцене, изучает их этими глазами пока выдувает свои теперь-уже-упорядоченные-в-размеренный-рисунок «сумасшедшие» ноты – громахающие барабаны, высокий потолок – Адам ради меня исполнителю отчалил около 11 часов с тем чтобы лечь спать и отправиться утром на работу, после краткой вылазки с Пэдди и мной наскоро хлебнуть десятицентового пива в ревевшей «Пантере», где Пэдди и я во время нашего первого разговора и хохота поборолись на локотках – теперь Марду отвалила со мной, ликующеглазая, между отделениями, выпить пивка, но по ее настоянию в «Маске» а не здесь где оно по пятнадцать центов, а у нее самой лишь несколько пенни и мы пошли туда и давай самозабвенно болтать и внутри у нас все зазвенело и запело от пива и вот теперь стало начало – вернувшись в «Красный Барабан» на следующее отделение, услышать Птицу, который как я видел отчетливо врубался в Марду несколько раз и в меня самого тоже прямо в глаза глядя мол действительно ли я тот великий писатель каким себя считаю как будто знал мои недостатки и амбиции или помнил меня по другим ночным клубам и другим по-

бережьям, по иным Чикагам – не вызывающий взгляд а король и основатель боп-поколения по крайней мере его звука врубаясь в свою аудиторию врубается в глаза, тайные глаза на-него-смотрящие, пока он просто складывает губы и пускай работают великие легкие и бессмертные пальцы, глаза его отдельны и заинтересованны и человечны, добрейший джазовый музыкант что мог только быть будучи и следовательно естественно величайший – наблюдая за мной и Марду во младенчестве нашей любви и вероятно удивляясь почему, или зная что долго она не продлится, или видя кому именно станет больно, как теперь, очевидно, но еще не совсем, это же у Марду глаза сияли в мою сторону, хотя зная я не мог и не знаю в точности теперь – если не считать одного факта, по пути домой, сейшак окончен пиво в «Маске» выпито мы поехали домой на автобусе по Третьей улице печально сквозь ночь и бьющиеся мигающие неонки и когда я неожиданно склонился над нею прокричать что-то дальше (в ее тайное «я» как позже призналась) ее сердце скакнуло почуяв «сладость моего дыхания» (цитата) и неожиданно она почти что полюбила меня – я не знал этого, когда мы нашли русскую темную грустную дверь Небесного переулка огромные железные ворота заскрежетали по тротуару когда я потянул, внутренности вонючих мусорных баков печально-приваленных друг к другу, рыбы головы, коты, затем сам Переулок, мой первый взгляд на него (долгая история и огромность его в моей душе, как в 1951 году рассекая

со своей тетрадью для зарисовок диким октябрьским вечером когда я обнаруживал собственную пишущую душу наконец я увидел подземного Виктора который приехал в Биг-Сур как-то раз на мотоцикле, по слухам на нем же уехал на Аляску, с маленькой подземной цыпочкой Дори Киль, вон он в размашистом Иисусовом пальто направляется на север в Небесный переулок в свою берлогу и я некоторое время иду за ним, дивясь Небесному переулку и всем тем долгим разговорам что у меня были много лет с людьми типа Мака Джоунза про тайну, молчание подземных, «городскими Торо» Мак называл их, как из Альфреда Кейзина в лекциях в нью-йоркской «Новой школе» там на Востоке где он замечал насчет того что всех студентов Уитмен интересуется с точки зрения сексуальной революции а Торо с созерцательно-мистической и антиматериалистической если не с экзистенциалистской или какой-то там еще точки зрения, «Пьер»-мелвилловская придурь и чудо этого, темные битовые джутовые одежонки, истории которые слышишь про великих теноров что ширяются у разбитых окон и начинают дуть в свои дудки, или про великих молодых поэтов с бородами лежат в отключке в руо-подобных святейших неведомостях, Небесный переулок знаменитый Небесный переулок где они все в то или иное время полоумные подземные жили, как например Альфред и его гнусенькая женушка прямиком из петербургских трущоб Достоевского можно подумать а на самом деле американская потерянная бородастая идеалистич-

ная – вся эта штука в любом случае), увидев его впервые, но с Марду, стирка развешана над двором, вообще-то задний двор большого многоквартирного дома на 20 семей с эркерами, стирка развешана и в разгар дня великая симфония итальянских мамаш, детишек, отцов финнеганствующих и вопящих со стремянок, запахи, кошки мяукают, мексиканцы, музыка изо всех приемников болеро ли это мексиканцев или итальянский тенор спагеттиглотов или же громкие внезапно врубленные по КПЕА симфонии Вивальди клавесинные исполнения для интеллектуалов бум блэм грандиознейший звук всего который я потом приходил слушать целое лето в объятьях моей любви – входя туда сейчас, и поднимаясь по узенькой затхлой лесенке будто в развалюхе, и ее дверь.

Замышляя я потребовал чтобы мы потанцевали – прежде она проголодалась поэтому я предложил и мы действительно зашли купить омлета фуянг на Джексоне и Кирни и теперь она его разогрела (позднее признание что она терпеть его не может хоть это одно из самых моих любимых блюд и типично для моего последующего поведения когда я уже насильно запихивал ей в горло то что она в подземной кручине хотела выстрадать одна если и вообще), ах. – Танцую, я выключил свет, и вот, в темноте, танцую, поцеловал ее – это было головокружительно, кружась в танце, начало, обычное начало влюбленных целующихся стоя в темной комнате комната разумеется женщины мужчина сплошные умыслы – закончив потом в диких плясках она у меня на колене или на бедре

пока я вращаю ее вокруг откинувшись назад для равновесия а она вокруг моей шеи своими руками что стали разогревать так сильно того *меня* что потом было только жарко...

И довольно скоро я узнал что у нее нет веры и неоткуда взять – мать-негритянка умерла ради ее рождения – неведомый отец чероки-полукровка сезонник приходявший бывало швыряя изодранные башмаки через серые равнины осени в черном сомбреро и розовом шарфе присев на корточки у костров с сосисками запуливая тару из-под токая в ночь «Йяа-а Калексико!»

Скорее нырнуть, куснуть, погасить свет, спрятать лицо от стыда, залюбить ее грандиозно из-за нехватки любви целый год почти что и нужды толкающей вниз – наши маленькие соглашения в темноте, всамделишные не-следовало-об-этом-говорить – ибо это она потом сказала «Мужчины такие сумасшедшие, они хотят сути, женщина и есть суть, вот она прямо у них в руках а они срываются прочь возводя большие абстрактные конструкции» – «Ты имеешь в виду что им следует просто остаться дома с этой сутью, то есть валяться под деревом весь день с женщиной но Марду это ведь моя старая телега, прелестная мысль, не припомню, чтоб ее высказывали лучше, и никогда не мечтал о таком». – «Вместо этого они срываются и затевают большие войны и рассматривают женщин как награды а не как человек, что ж чувак я может и прямо посреди всего этого дерьма но я определенно не желаю ни кусочка» (своими милыми культурными хиппей-

ными интонациями нового поколения). – И поэтому поимев суть ее любви теперь я воздвигаю большие словесные конструкции и тем самым вообще-то ее предаю – пересказывая слухи каждой подметной простыни на всемирной бельевой веревке – и ее, наше, за все два месяца нашей любви (думал я) только раз постиранное поскольку она будучи одинокой подземной проводила лунатичные дни и ходила бывало в прачечную с ними но вдруг уже промозглый поздний день и слишком поздно и простыни серы, милы мне – поскольку мягки. – Но не могу я в этом признании предать самые потаенные, бедра, то что в бедрах есть – а тогда зачем писать? – бедра хранят суть – однако хоть там мне и следует остаться и оттуда я пришел и рано или поздно вернусь, все же я должен срываться и возводить возводить – ради ничто – ради бодлеровских стихов...

Ни разу не произнесла она слово любовь, даже в то первое мгновенье после нашего дикого танца когда я пронес ее по-прежнему на себе не касая ногами пола к постели и медленно опустил, страдая отыскать ее, что ей понравилось, и будучи несексуальной всю свою жизнь (кроме первого 15-летнего совокупления которое почему-то поглотило ее и никогда больше с тех пор) (О боль когда выбалтываешь эти секреты которые так необходимо выболтать, или к чему писать или жить) теперь «*casus in eventu est*»² но рада что я тут

² Зд. «может, получится, может, и нет», сомнительный результат (лат.). Публий Овидий Назон, «Искусство любви», I, 379.

теряю рассудок несколько эгоманиакально как и следовало ожидать после нескольких пив. — Лежа потом в темноте, мягко, щупальцево, ожидая, до сна — и вот утром просыпаюсь от крика пивных кошмаров и вижу рядом негритянскую женщину с приотворенными губами спящую, и пушинки от белой подушки набились ей в черные волосы, почти отвратительную, осознаю что я за животное раз чувствую хоть что-то близкое к нему, виноградному сладкому тельцу обнаженному на беспокойных простынях возбужденного прошлоного, шум из Небесного переуллка просачивается в серое окно, серый судный день в августе поэтому мне хочется уйти немедленно чтобы «вернуться к своей работе» к химере не химеры а упорядоченно надвигающегося ощущения работы и долга которое я разработал и развил дома (в Южном Городе) скромного дальше некуда, свои утешения там тоже есть, уединения которого я желал а теперь не переносу. — Я встал и начал одеваться, извиняться, она лежала маленькой мумией в простыне и бросала серьезные карие взгляды на меня, как взгляды индейской настороженности в лесу, словно карими ресницами внезапно поднимающимися черными ресницами чтобы явить неожиданные фантастические белки зора с карим поблескивающим центром радужки, серьезность ее лица подчеркнута слегка монгольским боксерским как бы носом и скулами немного припухшими от сна, словно лицо прекрасной порфирной маски найденной давным-давно и ацтекской. — «Но зачем тебе нужно срываться так быст-

ро, как будто почти в истерике или тревоге?» – «Ну вот нужно у меня работа и мне надо прийти в себя – с бодуна...» – а она едва проснулась, поэтому я на цыпочках выскальзываю с несколькими словами фактически когда она почти проваливается в сон снова и я не вижу ее опять несколько дней...

Ебать-подросток совершив этот подвиг едва ли оплакивает дома утрату любви завоеванной девицы, чернобровой милашки – здесь нет признания. – Только в то утро когда я ночевал у Адама увидел я ее снова, я собирался вставать, кое-что печатать и пить кофе в кухне весь день поскольку в то время работа, лишь работа была у меня на уме, не любовь – не боль, вынуждающая меня писать это даже если я не хочу, боль что не облегчится писанием этого но усилится, но будет искуплена, и если б только она была болью с чувством собственного достоинства и если б ее можно было куда-то определить а не в эту черную канаву стыда и утраты и шумного безрассудства в ночи и несчастной испарины у меня на челе – Адам встает идти на работу, я тоже, умываемся, мыча переговариваемся, когда телефон зазвонил и то была Марду, которая собиралась к своему врачу, но ей нужна монетка на автобус, а поскольку живет сразу за углом: «Ладно забегай но побыстрее я иду на работу или оставляю монетку у Лео». – «О и он там?» – «Да». – В уме у меня мужские мысли повторить с ней и я вообще-то сильно не прочь увидеть ее неожиданно, будто чувствовал что она недовольна нашей первой ночью (никаких причин так чувствовать нет, перед всей этой

кутермой она легла мне на грудь доедая омлет фуянг и врубалась в меня поблескивавшими ликующими глазами) (которые сегодня ночью мой враг пожирает?) мысль об этом заставляет меня уронить сальное пылающее чело в усталую руку – О любовь, бежала от меня – или телепатии действительно сочувственно пересекаются в ночи? Такая пагуба выпадает ему – что холодный любитель похоти заслужит теплого кровотоечения духа – и вот она вошла, 8 утра, Адам отвалил на работу и мы одни и сразу же она свернулась у меня на коленях, по моему приглашению, в большом набивном кресле и мы стали разговаривать, она начала рассказывать о себе и я зажег (серым днем) тусклую красную лампочку и вот так началась наша истинная любовь...

Ей нужно было рассказать мне все – на днях она несомненно уже рассказала всю свою историю Адаму и тот слушал пощипывая себя за бороду с мечтою в отдаленном взоре чтобы выглядеть внимательным и любовником в унылой вечности, кивая – теперь же со мной она начинала все заново но как будто (как я думал) с братом Адама гораздо сильнее любящим и больше, более благоговейно выслушивающим и принимающим ближе к сердцу. – Вот они мы во всем сером Сан-Франциско серого Запада, можно было чуть ли не почуть дождь в воздухе и далеко за всею ширию земли, за горами дальше Окленда и гораздо дальше Доннера и Траки лежала великая пустыня Невады, пустоши уводящие к Юте, к Колорадо, на холодные холодные стоит грянуть осени равнины

где я продолжал воображать себе этот ее полукровка-чероки бродячий папаша валяется вниз брюхом на платформе а ветер треплет его тряпье и черную шляпу, его бурая грустная физиономия видела всю эту землю и опустошение. — В иные мгновенья я представлял себе его вместо этого сборщиком где-нибудь под Индию и жаркой ночью он сидит на стуле на тротуаре среди мужиков в одних рубашках, они перешучиваются, и он сплевывает а те говорят: «Эй Ястреб Тау ну-ка расскажи нам еще ту историю как ты угнал такси и доехал на нем аж до Манитобы в Канаде — ты когда-нибудь слышал как он ее рассказывает, Сай?» — У меня было видение ее отца, он стоял во весь рост, гордо, красивый, в унылом тусклом красном свете Америки на углу, никто не знает его имени, никому нет дела...

Ее истории о собственных безумствах и приключениях, о пересечении всех границ города, и курении слишком много марихуаны, в чем для нее было столько ужаса (в свете моих собственных погружений в ее отца зачинателя ее плоти и ужаснувшегося предшественника ее ужасов и знатока гораздо бóльших безумств и безумия чем она в своих возбужденных психоаналитиком треволнениях могла бы хоть когда-нибудь хотя бы вызвать в воображении), образовывали только фон для мыслей о неграх и индейцах и Америке в общем но вместе со всеми обертонами «нового поколения» и другими историческими заморочками в которые ее теперь закрутило точно так же как и всех нас в Забойно-Европей-

ской Печали всех нас, та невинная серьезность с которой она рассказывала свою историю а я слушал так часто и сам рассказывал – распахнув глаза обнимаясь на седьмом небе вместе – хипстеры Америки посреди 1950-х сидящие в полутемной комнатке – лязг улиц за голым мягким подоконником окна. – Забота о ее отце, поскольку я сам бывал там и садился на землю и видел рельсы сталь Америки покрывающую землю наполненную костями старых индейцев и Коренных Американцев. – Холодной серой осенью в Колорадо и Вайоминге я работал в полях и смотрел как индейцы-сезонники вдруг выныривают из кустов у полотна и движутся медленно, тягуче отхаркиваясь, забывая смахнуть слюну с подбородка, морщинистые, таща на себе в великую тень света котомки и всякую ерунду тихо переговариваясь друг с другом и так далеки от всяческих забот батраков в поле, даже негров с шайеннских и денверских улиц, япов, армян и мексиканцев общего меньшинства всего Запада что смотреть на индейцев по трое или по четверо пересекающих поле и железнодорожные пути это как что-то невероятное для чувств будто во сне – думаешь: «Они должно быть индейцы – ни единая душа на них не смотрит – они вон туда идут – никто не замечает – неважно в какую сторону они идут – в резервацию? Что у них в этих бурых бумажных пакетах?» и только с большим усилием понимаешь «Но ведь именно они населяли эту землю и под этими громаднейшими небесами именно они беспокоились и плакали на похоронах и защищали жен

целыми нациями что собирались вокруг вигвамов – теперь же рельсы бегут по костям их предков ведут их вперед ука-зывая в бесконечность, призраки человечества легко ступа-ющие по поверхности земли так глубоко гноящейся наваром их страдания что нужно копнуть лишь на фут вглубь что-бы наткнуться на ручку ребенка. – Пассажирский экспресс со скрежещущими дизельными яйцами мимо гррум, грумм, индейцы лишь поднимают взгляд – Я вижу как они исчезают пятнышками перед глазами...» и сидя в краснолампочной комнатке в Сан-Франциско теперь с милой Марду я думаю: «И это твоего отца я видел на серой пустоши, проглоченного ночью – из его соков возникли твои губы, твои глаза полные страданья и печали, и нам не знать ни его имени ни имени его судьбы?» – Ее смуглая ручка свернулась в моей, ее ног-ти бледнее кожи, и на ногах и скинув туфли она втискивает одну ножку мне между бедер для тепла и мы говорим, начи-наем наш романтический роман на более глубинном уровне любви и историй уважения и стыда. – Ибо величайший ключ к мужеству есть стыд и смазанные лица в пролетающем по-езде ничего не видят снаружи на равнине кроме фигур бро-дячих сезонников что укатываются прочь из поля зрения...

«Я помню как-то в воскресенье, пришли Майк с Ритой, у нас был очень крепкий чай – они сказали в него мешают вул-канический пепел сильнее у них ничего не было». – «Из Л. А.?» – «Из Мехико – какие-то парни поехали туда в фургоне и скинулись на дорогу, или из Тихуаны или откуда-то еще, не

знаю – Рита сильно тогда ехала – мы практически уже раскумарились а она поднялась очень так драматично и встала посреди комнаты чувак и сказала что чувствует как нервы прожигают ей кости насквозь – Видеть как она *едет* прямо у меня на глазах – Я задергалась и вдруг подумала кое-что про Майка, он все *смотрел* на меня так будто хотел убить – у него все равно такой чудной взгляд – Я выбралась из дому и пошла и пошла и не знала куда идти, у меня ум все поворачивался и поворачивался в несколько сторон разом куда я думала пойти: а тело продолжало идти прямо вдоль Коламбуса хоть я и чувствовала каждую из тех сторон куда ментально и эмоционально сворачивала, изумленная всеми этими возможными сторонами которые можно выбрать по различным мотивам что приходят в голову, как будто от этого станешь другой *личностью* – Я часто думала об этом с самого детства, о том что предположим не пойти вверх по Коламбусу как я обычно делала а свернуть на Филберт случится ли тогда такое что теперь достаточно незначительно но будет как бы достаточно чтобы повлиять в итоге на всю мою жизнь? – Что ждет меня в той стороне куда я не иду? – и все такое, поэтому если б это не было такой постоянной заморочкой сопровождавшей меня в одиночестве которую я разыгрывала настолько многими способами насколько было возможно я б не беспокоилась теперь если б не видеть тех жутких дорог к которым идет это чистое *предположение* оно довело меня до *испугов*, если б я не была так дьявольски *упорна*...» – и

так далее в глубину дня, долгая путаная история лишь кусочки которой и неточно я помню, лишь масса безысходности в связной форме...

Отходняки мрачными днями в комнате у Жюльена а Жюльен сидит и не обращает на нее внимания а лишь смотрит неподвижно в пустоту серую как ночная мохнатая бабочка лишь изредка шевелясь чтоб закрыть окно или поменять отсиженную ногу, глаза круглые неподвижные в медитации такой долгой и такой таинственной и как я уже сказал такой Христообразной по-настоящему наглядно ягнячье-кроткой что ее достаточно чтобы свести с ума любого я бы сказал достаточно прожить там хотя бы день с Жюльеном или с Валленстайном (тот же тип) или с Майком Мёрфи (тот же тип), подземными с их мрачной длиннотоймысленной выносливостью. – И укрощенная девчонка ожидающая в темном углу, как я помнил очень хорошо то время когда сам был в Биг-Суре и приехал Виктор на своем буквально самопальном мотоцикле с малышкой Дори Киль, была вечеринка у Пэтси в коттедже, пиво, свечи горели, радио, разговоры, однако в первый час вновь прибывшие в своих смешных рваных одеяниях и он с этой своей бородой и она с этими своими хмурыми серьезными глазами сидели практически незаметно где-то за тенью от пламени свечей так чтобы никто не мог их увидеть и поскольку они ничего не говорили вообще а только (если не слушали) медитировали, мрачнели, претерпевали, я наконец даже забыл что они вообще тут – и позднее той

ночью они спали в крошечной палаточке в поле в туманной росе Звездной Ночи Тихоокеанского Побережья и с тем же самым смиренным молчанием ни о чем не упоминали наутро – Виктор настолько у меня на уме всегда центральный преувеличитель склонностей подземного хип-поколения к молчанию, к божественной таинственности, к наркотикам, к бороде, к полусвятости и, как я выяснил впоследствии, к непревзойденной недоброжелательности (как Джордж Сэндерз в «Луне и гроше») – поэтому Марду девушка в соку и в своем праве и с продутого ветрами простора готовая к любви теперь таилась в затхлом углу дожидаясь пока Жюльен заговорит. – Временами в общем «кровосмешении» она бывала лукаво молча по какому-то взаимному согласию или тайной государственной стратегии перемещена или возможно просто «Эй Росс ты сегодня забираешь Марду домой я хочу Риту для разнообразия», – и оставалась у Росса на неделю, курила вулканический пепел, ехала крышей – (напряженная тревога неподобающего секса плюс к этому, преждевременные семяизвержения этих анемичных *maquereaux* от которых она оставалась подвешенной в напряжении и нерешенности). – «Я была всего-навсего невинной деткой когда встретила их, независимой и типа ну не счастливой или как-то вроде а чувствовала что мне надо что-то сделать, я хотела поступить в вечернюю школу, у меня было несколько работ по моей специальности, переплетать в Олстаде и других местечках по всему Хэррисону, учительница рисования бабуся в школе

еще говорила что я могу стать великой скульпторшей а я жила с разными и тратила все на одежду и у меня получалось» – (причмокивая губой, и это гладкое «цок» в горле от быстрого вдоха в печали и словно простуженно, как в глотках великих пьянчуг, но она не пьянчуга а опечаливатель себя) (высшая, темная) – (завивая теплую руку еще дальше вокруг меня) «а он лежит там и говорит чётакое а я не могу понять...» Она вдруг не может понять что произошло ибо потеряла разум, свое обычное признание себя, и ощущает жуткий зуд загадки, она и впрямь не знает кто она и зачем и где она, она выглядывает в окно и этот город Сан-Франциско большая унылая голая сцена для какой-то гигантской шутки сотворяемой над нею самой. – «Отвернувшись я не знала о чем Росс думает – даже что делает». – На ней не было никакой одежды, она поднялась из его удовлетворенных простыней и встала в омывающем сером размышлении мрачновремени что делать, куда идти. – И чем дольше она стояла сунув пальчик в рот и чем больше мужчина говорил: «В чем дело бэби» (в конце концов он прекратил спрашивать и оставил ее в покое стоять) тем больше она чувствовала давление изнутри нараставшее к прорыву и к наступающему взрыву, наконец она сделала гигантский шаг вперед ахнув от страха – все было ясно: пахнет опасностью – она читалась в тенях, в унылой пыли за чертежным столом в углу, в мусорных мешках, серые стоки дня сочились по стене и в окно – в полых глазах людей – она выбежала из комнаты. – «Что он сказал?»

«Ничего — он не шевельнулся у него только голова оторвалась от подушки когда я оглянулась прикрывая дверь — На мне не было одежды в переулке, меня это не волновало, так интенсивно сосредоточена я была на этом осознании всего что знала я была невинное дитя». — «Голая бэби, ух». — (И про себя: «Боже мой, эта девчонка, Адам прав она сумасшедшая, типа так и будет, я съеду как съехал по бензедрину с Милой в 1945-м и думал что она хочет воспользоваться моим телом для машины банды и устроить крушение и пламя но я точно никогда не побегу на улицы Сан-Франциско голышом хоть и мог бы, может если б я действительно ощутил необходимость какого-то действия, ага») и я посмотрел на нее изумляясь точно ли, впрямь ли она говорит правду. — Она была в переулке, вопрошая себя кто она, ночь, худосочная морось тумана, молчание спящего Фриско, суда на приколе в бухте, огромные когтистые пасти туманов покровом над бухтой, ореолы смешного потустороннего света посылаемые в середине вверх Галереями Намордников Столпохрамового Алькатраса — ее сердце грохало в тишине, в прохладном темном мире. — Наверх на деревянный забор, ожидая — увидеть не будет ли ей послана снаружи какая-нибудь мысль которая подсказала бы что делать дальше и полная смысла и предзнаменования ибо надо чтоб все было правильно и лишь раз — «Раз поскользнешься не туда...» ее прикол с направлениями, спрыгнуть ли ей по одну сторону забора или по другую, бесконечное прошупывание пространства в четырех

измерениях, унылошляпые люди приступают к работе на поблескивающих улицах не ведая об обнаженной девушке что прячется в туманной дымке или если б они там были и увидели ее кругом бы стояли не прикасаясь к ней просто ожидая пока придут полицейские власти и увезут ее и все их безразличные усталые глаза плоские от пустого стыда следили б за каждой частичкой ее тела – голая бэби. – Чем дольше она болтается на заборе тем меньше у нее силы останется в конце чтоб и впрямь слезть и решить, а наверху Росс Валленстайн даже не ворочается на своей торчковой постели, думая что она свернулась калачиком в прихожей, или заснул все равно в собственной коже и костях. – Дождливая ночь шипит повсюду, целует везде мужчин женщин и города в едином омовении грустной поэзии, медовыми строчками Ангелов на верхних полках трубодующих в вышине поверх окончательных покрытых Востоком тихоокеански-огромных песен Рая, конец страху внизу. – Она садится на корточки на заборе, тощая морось бисером на ее смуглых плечах, звезды в волосах, ее дикие уже индейские глаза теперь усталились в Черноту и облачко тумана исходит из ее смуглого рта, безысходность как кристаллики льда на пополах пони ее индейских предков, моросит на деревню давным-давно и нищий дым выкарабкивается из подземелья и когда скорбная мать размалывала желуди и готовила тюрю в безнадежных тысячелетиях – песня азиатской охотничьей банды лязгающая вниз по последнему аляскинскому ребру земли к Воям Нового Све-

та (в их глазах и в глазах Марду сейчас последнее возможное Царство инков майя и обширных ацтеков сияющее золотым змеем и храмами столь же благородными сколь греческие, египетские, длинные лощеные трещины челюстей и приплюснутые носы монгольских гениев творивших искусство в храмовых покоях и скачок их челюстей перед тем как заговорить, пока испанцы Кортеса, изможденные старосветские обабившиеся голландские бичи Писарро в панталонах не пришли проломившись сквозь чащобы тростника в саваннах и не обнаружили сияющие города Индейских Глаз высоко, с ландшафтами, с бульварами, с ритуалами, с герольдами, с флагами под тем же самым Солнцем Нового Света которому протянуто быющее сердце) – ее сердце быющее под дождем Фриско, на заборе, перед последними фактами, готовое сдвинуться бежать сейчас же вниз по земле и возвращаться и сворачиваться снова там где была она и где было все – утешая себя видениями истины – спускаясь с забора, на цыпочках, двигаясь вперед, отыскивая прихожую, содрогаясь, крадучись...

«Я решилась, я воздвигла некую структуру, она была как, но я не могу...» Начиная заново, начиная с плоти под дождем: «Зачем кому-то захочется причинить вред моему маленькому сердечку, моим ногам, моим ручкам, моей коже в которую я завернута потому что Боженька желает чтобы мне было тепло и Внутренне, моим пальчикам на ногах – почему Бог создал все это таким тленным и умираемым и вредимым

и хочет заставить меня понять и кричать – Я трепетала когда даритель сливки снимал, когда мать моя грезила, отец мой кричал – Я начала сызмала потом воспарила наверх шариком и теперь я большая и нагое дитя снова и только чтобы плакать и бояться. – Ах – Храни себя, ангел безвредности, ты б никогда не сумел повредить и расколоть невинному скорлупку и боль под тонкой кисеей – завернись в халат, ягненочек – убереги себя от дождя дождись, чтобы Папуля кончил снова, а Мамуля впихнула тебя тепленьким в долину луны, тки у станка терпеливого времени, будь счастлив по утрам». – Начиная сызнава, дрожа, из ночи в переулке нагишом в коже и на одеревенелых ногах к заляпанной двери какой-то соседки – постучав – женщина подошедшая к двери в ответ на испуганные постукивания маслом тающих костяшек, видит обнаженную смуглянку, испугана – («Вот женщина, душа под моим дождем, она глядит на меня, она боится».) – «Стучаться в двери к совершенно незнакомым, еще бы». – «Думала я просто добегу до Бетти на той же улице и назад, пообещала ей вообще-то имея в виду в глубине глуби что принесу одежду обратно и она взаправду впустила меня и достала одеяло и закутала меня, затем одежду, и к счастью она была одна – итальянка. – А в переулке я вся вышла и *далее*, это теперь была первая одежда, потом я пойду к Бетти и возьму два доллара – потом куплю эту брошку что видела в тот день в каком-то месте со старым мореным деревом в окне, на Северном Пляже, произведение искусства ручная работа типа

ковки, просто прелесть, это был самый первый символ который я собиралась себе позволить». – «Ну еще бы». – Из-под обнаженного дождя в халатик, к окутывающей невинности, затем украшение Бога и религиозная сладость. – «Типа того как мы подрались с Джеком Стином это мне в голову очень крепко засело». – «Драка с Джеком Стином?» – «Это было еще раньше, все торчки в комнате у Росса, перетягивались и ширялись с Толкачом, ты же знаешь Толкача, ну и я там тоже сняла одежду – это было... все... частью того же... отходняка...» – «Но эта *одежда*, эта *одежда*!» (про себя). – «Я стояла посреди комнаты и ехала а Толкач пощипывал гитару, одну струну всего, и я подошла к нему и сказала: “Чувак ты МНЕ тут этих своих грязных нот не щипай”, и он типа сразу же поднялся без единого слова и свалил». – А Джек Стин расвирепел на нее и подумал что если стукнет и вырубит ее кулаком она очухается поэтому он ей двинул но она оказалась такой же сильной как и он (анемичные бледные 110-фунтовые торчки-аскеты Америки), бац, они стали махать перед утомленными остальными. – Она померилась силами с Джеком, с Жюльеном, разбила их практически – «Типа Жюльен в конце победил на локотках но ему пришлось вообще яростно пригнуть меня чтоб это получилось и сделать мне больно и он правда расстроился» (злорадный маленький фырчок сквозь передние зубки) – значит она там выясняла отношения с Джеком Стином и вообще чуть не избила его но он был в ярости а соседи снизу вызвали фараонов которые

приехали и пришлось им объяснять – “танцевали, мол”. – Но в тот день я увидела эту железную штучку, маленькую брошку с прекрасным тусклым блеском, надевать на шею, знаешь как хорошо это будет смотреться у меня на груди». – «На твоей смуглой груди тусклое золото прекрасно будет бэби, продолжай свой изумительный рассказ». – «И вот мне немедленно понадобилась эта брошка несмотря на время, уже 4 часа утра, а на мне это старое пальто и туфли и старое платье которые она мне дала, я ощущала себя уличной шлюхой но чувствовала что никто бы не догадался – я побежала к Бетти за двумя долларами, разбудила ее...» Она потребовала денег, она выбиралась из смерти а деньги были просто средством заполучить блестящую брошку (дурацкое средство изобретенное изобретателями бартера и торгашества и стилей того кому кто принадлежит, кому что принадлежит...). Потом она бежала вниз по улице со своими двумя дубами, к магазину явилась задолго до открытия, зашла в кафетерий выпить кофе, сидела за столиком одна, врубаясь наконец в мир, унылые шляпы, блестящие мокрые тротуары, вывески гласящие о печеной камбале, отражения дождя в стеклянной панели и столбе из зеркал, красота прилавков с едой где выставлены холодные закуски и горы жареного ви- того печенья и пар от кофеварки. – «Как тепл мир, нужно лишь достать эти символические монетки – они впустят тебя ко всему теплу и пище каких только захочешь – тебе не нужно будет сдирать с себя кожу и глотать собственные кости в

тупиках – эти места предназначены давать приют и успокоение мешочникам-старьевщикам пришедшим поплакать чтоб утешили». – Сидит там уставившись на всех, обычные съемщики и взглянуть на нее боятся поскольку вибрация у нее из глаз дикая, они чувт какую-то живую опасность в апокалипсисе ее напряженной жаждущей шеи и трясущихся жилистых рук. – «Это не женщина». – «Эта чокнутая индианка еще порешит кого-нибудь». – Приходит утро, Марду спешит ликующе и с поплывшим разумом, захваченная, к магазину, купить брошку – стоя затем в аптеке у вертушки с открытками полных два часа изучая каждую вновь и вновь досконально поскольку у нее осталось лишь десять центов и она может купить только две и эти две должны быть для нее совершенными личными талисманами нового важного значения, персональными эмблемами предзнаменования – ее алчущие губы расслаблены чтобы разглядеть получше крохотные изугольные значения теней от вагончиков фуникулера, Чайна-тауна, цветочных рядов, синеньких, служащие удивляются: «Два часа уже тут торчит, без чулок, коленки грязные, рассматривает открытки, жена какого-нибудь алкаша с Третьей улицы сбежала, пришла в аптеку белого человека, никогда прежде не видела глянцевой открытки...» Накануне ночью они могли бы увидеть ее на Маркет-стрит в «Фостере» с последним (опять) даймом и стаканом молока, она плакала в это свое молоко, и мужчины не сводили с нее глаз, всё пытались ее заполучить но теперь не получали уже ничего

поскольку забоявшись, поскольку она была как дитя – и поскольку: «Отчего ж Жюльен или Джек Стин или Уолт Фицпатрик не дали тебе места чтоб остаться и не оставили тебя в покое в уголке, или не ссудили тебе пару долларов?» – «Но им же было наплевать, они меня боялись, они *точно* не хотели меня рядом у них была типа отвлеченная объективность, наблюдали за мной, задавали *гадкие* вопросы – пару раз Жюльен заводил свои игры его-голова-против-моей типа знаешь “Чётакое, Марду”, и его обычные номера и липовое сочувствие но ему на самом деле было просто любопытно почему я съезжаю крышей – никто из них ни разу не давал мне денег, чувак». – «Те парни очень плохо к тебе относились, понимаешь?» – «Ага так они ж никогда ни к кому не относятся – как никогда ничего не делают – сам о себе заботишься, я позабочусь обо мне». – «Экзистенциализм». – «Но американский хуже незаинтересованный экзистенциализм и торчков чувак, я тусовалась с ними, уже почти год к тому времени и получала, всякий раз когда их вставляло, что-то вроде контактного кайфа». – Она бывало сидела с ними, они уже начинали отпадать, в мертвом молчании она ждала, ощущая как медленные змеевидные волны вибрации пробираются через всю комнату, веки опадают, головы клонятся и вздергиваются вновь, кто-нибудь бормочет какую-нибудь противную жалобу: «Чув-ва-ак, меня достал этот сукин сын Макдауд с его вечным нытьем по части как у него не хватает денег на одну стекляшку, как будто полстекляшки нельзя достать или

за половину заплатить – чув-ва-ак, я ни разу не видал такой никудышности, ну ч-чё-орт, пошел бы он куда *подальше* и с концами, эм». (Это торчковое «эм» сопровождающее любую подставу, а все подставляются когда говорят, в смысле утверждения, эм, ну-эм, всхлип потакающего собственным капризам младенца сдерживаемый чтобы не взорваться полным ревом УААА во всю пасть которого им хочется от мусора низводящего их системы до колыбельки.) – Марду бывало сидела там, и под конец улетев по чаю или бенни она начинала чувствовать себя так будто ее тоже ширнули, она шла по улице съехав и по-настоящему ощущала электрический контакт с прочими людьми (в своей чувствительности признавая факт) но иногда ее обуревали подозрения что ее кто-то тайно подсаживает и идет за нею следом по улице тот кто в действительности отвечает за это ее электрическое ощущение и так независим от какого бы то ни было естественного закона вселенной. – «Но ты вообще-то этому не верила – однако верила – когда я поехал по бенни в 1945-м я в натуре верил что девчонка хотела использовать мое тело чтобы сжечь его и засунуть документы ее мальчика мне в карман чтобы фараоны подумали что он умер – я и рассказывал ей, к тому же». – «О и что она сделала?» – «Она сказала: “Ууу папочка”, и обняла меня и позаботилась обо мне, Миллашка была дикой сучкой, она накладывала оладьи грима на мой бледный – я сбросил тридцать, десять, пятнадцать фунтов – но что же было дальше?» – «Я пошла бродить со своей

брошкой». — Она зашла в какой-то магазин подарков и там сидел человек в инвалидном кресле. (Она случайно ткнулась в двери с клетками и зелеными канарейками за стеклом, ей хотелось потрогать бусинки, посмотреть золотых рыбок, погладить старого жирного кота что нежился на полу на солнышке, постоять в прохладных зеленых джунглях попугайчиков в магазине торча от зеленых не-от-мира-сего дротиков попугайских взглядов скручивающих себе безмозглые шеи чтоб окаменеть зарывшись в безумные перышки и ощутить эту отчетливую передачу от них птичьего ужаса, электрические спазмы их внимания, **кряк, лук, лик**, а человек был крайне странен.) — «Почему?» — «Не знаю просто очень странен и всё, он хотел, он говорил со мной очень ясно и настойчиво — типа интенсивно глядя прямо на меня и очень долго распространялся на улыбаясь на простейшие банальнейшие темы но мы оба знали что подразумеваем все остальное что сказали — ты знаешь как в жизни — на самом деле это было про тоннели, тоннель на Стоктон-стрит и тот другой который только что соорудили на Бродвее, об этом-то мы как раз говорили больше всего, но пока мы беседовали великий электроток подлинного понимания прошел меж нами и я почувствовала иные уровни бесконечное число их в каждой интонации его речи и моей и целый мир значения в каждом *слове* — я никогда прежде не представляла себе насколько много *происходит* все время, и люди это *знают* — видно у них по глазам, они *отказываются* показывать это каким-то другим

– я осталась там очень надолго». – «Он сам должно быть чудик». – «Знаешь, лысоватый такой, и типа голубого, и средних лет, и с таким видом будто у него отрезана голова или просто висит в воздухе», (безмозглая, осунувшаяся) «оглядывающая все вокруг, наверное то была его мать пожилая дама в цветастой шали – но боже мой у меня б это отняло целый день». – «Ух». – «А на улице эта прекрасная старушка с седыми волосами подошла ко мне и увидела меня, но расспрашивала как пройти, но хотела поболтать...» (На солнечном теперь лирическом воскресно-утреннем тротуаре после дождя, Пасха во Фриско и все пурпурные шляпки извлечены и лавандовые пальто на параде в прохладных порывах ветра и маленькие девочки такие крошечные в своих только что набеленных туфельках и полных надежд пальтецах медленно гуляют по белым холмистым улицам, церкви старых колоколов в хлопотах и в центре вокруг Маркета где наша оборванная святая негритянская Жанна д'Арк скитается поя осанну в своей смуглой одолженной у ночи коже и сердце, трепыханья бюллетеней со ставками на угловых газетных стендах, любители грязненьких журналов, цветы на углу в корзинах и старый итальянец в фартуке с газетами вставший на колени полить, и папа-китаец в облегающем экстатическом костюме везет в корзинке-коляске грудного младенца вниз по Пауэлл со своей розовощекой женой с блестящими карими глазами в новой шляпке срывающейся и трепещущей на солнце, вот там стоит Марду улыбаясь напряженно и странно и пожилая

эксцентричная дама уже не обращает внимания на ее негритянскость не больше чем добрый инвалид из магазина и раз уж у нее теперь такое внешнее и открытое лицо, ясные свидетельства обеспокоенного чистого невинного духа только что восставшего из провала в изъязвленной оспинами земле и собственными переломанными руками вытащившего себя к безопасности и спасению, две женщины Марду и старушка в невероятно грустных пустых улицах воскресенья после всех возбуждений субботней ночи великого блеска вверх и вниз по Маркету как собранной пыли после промывки золота и пульсации неона в барах О'Фаррелла и Мейсона с вишневыми палочками коктейльных стаканов подмигивают приглашая открыть изголодавшиеся сердца субботы а на самом деле ведущими лишь в конце концов к синей пустоте воскресного утра лишь трепыханье нескольких газет в канаве и долгий белый вид на Окленд с призраком Шаббата, все же – Пасхальный тротуар Фриско пока белые корабли врезают четкие голубые линии из Сасэбо под пролет Золотых Ворот, ветер что усыпает искрами всю листву округа Марин отмывая выстиранный блеск белого доброго города, в облаках утраченной чистоты в вышине красно-кирпичный след и пирс Эмбаркадеро, призрачный расколотый намек на песню старых индейцев помо некогда единственных скитальцев по этим одиннадцати последним американским теперь застроенным белыми домиками холмам, лицо самого отца Марду сейчас когда он поднимает голову чтобы вдохнуть чтобы заговорить

на улицах жизни материализуясь громадно над Америкой, тая...) «И типа я ей ответила но тоже поболтала и когда она уходила отдала мне свой цветочек и приколола его ко мне и назвала меня миленькой». – «Она была белой?» – «Ага, вроде, она была очень ласковой, очень приятной кажется она меня полюбила – типа спасла меня, вытащила – я поднялась на холм, на Калифорнию, мимо Чайна-тауна, где-то набрела на белый гараж типа с большой такой стеной и этот парень на вертящемся стульчике хотел узнать чего мне нужно, я понимаю все свои действия как одно обязательство за другим вступать в беседу с кем бы то ни было не случайно но по *договоренности* выдвинутые передо мною, вступить в связь и передать эту новость, вибрацию и новое значение что у меня теперь есть, насчет всего что происходит со всеми постоянно повсюду и чтоб они не волновались, никто так не гадов как ты думаешь или – цветной парень на вертящемся стульчике, и у нас с ним вышел долгий путанный разговор и он очень не хотел, я помню, смотреть мне в глаза и действительно слушать что я говорила». – «Но что же ты говорила?» – «Так это же все теперь забыто – что-то такое простое и типа того чего никогда не ожидаешь вот как тоннели или старушка и я зависшая на улицах и направлениях – но парень хотел меня заполучить, я видела как он расстегнул молнию но ему вдруг стало стыдно, я стояла спиной и видела в стекле». (В белых плоскостях гаражностенного утра, фантом человека и девушка стоящая спиной тяжело осевшая наблюдая в окне

которое отражает не только черного странного робкого человека тайно уставившегося но и всю контору, кресло, сейф, промозглые бетонные задние интерьеры гаража и тускло полированные авто, хвастающие также несмытыми пылинками наляпанными вчерашним вечерним дождиком и сквозь стекло черездорожный бессмертный балкон многоквартирного дома с деревянными лоджиями где внезапно она увидела троих чернокожих детишек в странном наряде махавших руками но не кричавших негру четыремя этажами ниже в робе значит очевидно работавшему в Пасху, который тоже махал им идя в собственном странном направлении которое вдруг пересеклось с медленным направлением выбранным двумя мужчинами, двумя обычными мужиками в шляпах, в пальто но несшими один бутылку, другой мальчика лет трех, вот остановились чтобы поднять бутылку Калифорнийского Хереса Четыре Звезды и выпить пока фрискинский дополуденный всеутреннесолнечный ветер треплет им трагические пальто на сторону, мальчишка ревет, их тени на улице как тени чаек цвета выделанных вручную итальянских сигар в глубоких бурых лавках на Коламбусе и Пасифике, вот проезд «Кадиллака» с акульными плавниками на второй скорости к домам на вершине холма с видом на бухту и какой-то пахучий визит родственников привезших с собою газеты с комиксами, новости про престарелых тетушек, конфетки для какого-нибудь несчастного мальчугана ждущего когда же наконец закончится это воскресенье, когда солнце перестанет

литься сквозь жалюзи застекленных дверей и растения в кадках перестанут от него выгорать а лучше пойдет дождик и снова понедельник и радость закоулка с деревянными заборами где не далее как вчера ночью бедняжка Марду чуть не потерялась.) – «Что сделал цветной?» – «Снова застегнулся, боялся на меня взглянуть, он отвернулся, было странно он застыдился и сел – мне это напомнило к тому же когда я была маленькой в Окленде и этот человек посылал нас в магазин и давал нам монетки потом распахивал купальный халат и показывал себя». – «Негр?» – «Угу, у нас по соседству где я жила – я помню никогда там не оставалась а подружка моя оставалась и я думаю один раз даже с ним сделала что-то». – «Как ты поступила с парнем на стульчике?» – «Ну, я типа выбралась оттуда и стоял прекрасный день, Пасха, чувак». – «Бож-же, Пасха а я-то сам где был?» – «Мягкое солнышко, цветы и вот я шла вниз по улице и думала “Зачем я позволяла себе чтобы мне было скучно в прошлом вообще” и чтобы компенсировать улетала или напивалась или буйства или всякие трюки что бывают у людей поскольку они хотят чего угодно только не безмятежного понимания всего лишь того что есть, чего в итоге так много, и обдумывают вроде как сердитые социальные сделки, – типа рассерженного – оттяга – как типа ссориться из-за социальных проблем и моей расовой проблемы, это значило так мало и я чувствовала такую клевую уверенность а золото утра ускользнуло бы рано или поздно и уже начало – я могла бы сделать всю свою

жизнь вот такой как это утро одной лишь силой чистого понимания и желания жить и продолжать идти, боже прекраснее всего этого по-своему со мной никогда ничего не случилось — но все это было таким зловещим». — Кончилось когда она добралась домой в сестрин дом в Окленде и те на нее взъярились все равно а она послала их и делала странные вещи; заметила например сложную проводку которую ее старшая сестра протянула чтобы подсоединить телевизор и радио к кухонной розетке в ветхой деревянной надстройке над их коттеджем около Седьмой и Пайна железнодорожное прокопченное дерево и чудовищные веранды типа трухи трущоб-нахаловок, не двор а участок со щебенкой и почерневшими палками где бродяги токайствовали прошлой ночью перед тем как переходить грузовую площадку скотобоев к главной линии на Трейси сквозь обширный бесконечный невозможный Бруклин-Окленд полный телефонных столбов и всякого хлама и субботними вечерами дикие негритянские бары полные блядей а мексиканцы йя-йякают в собственных салунах и патрульная машина крейсирует по длинному печальному проспекту усеянному пьющими и блеском битых бутылок (теперь в деревянном домишке где ее вырастили в ужасе Марду сидит на корточках у стены глядя на провода в полутьме и слышит как сама же говорит и не понимает зачем она это говорит если не считать того что это должно быть произнесено, должно выйти наружу, поскольку тем же самым днем только раньше в своих скитаниях она наконец

выбралась на дикую Третью улицу между шеренг надрызгивавшихся пьянчуг и кровавых пьющих индейцев в бинтах что выкатываются из переулков и с киношкой за 10 центов с тремя фильмами в программе и маленькими детишками трущобных ночлежек которые бегают по мостовой и ломбардами и музыкальными автоматами негритянских распивочных и она стояла в свете дремотного солнца вдруг заслушавшись бопом будто в первый раз а тот лился, намерение музыкантов и их труб и инструментов вдруг мистическая общность выражающая себя волнами типа зловещих и вновь электричество но вопящее от осязаемой живучести непосредственное *слово* из вибрации, взаимообмены утверждения, уровни волнующихся намеков, улыбка в звуке, тот же живой экивок в том как ее сестра расположила те провода извивающиеся перепутанные и преисполненные намерения, выглядевшие невинно а вообще-то под личиной обыденной жизни совершенно по уговору тошнотворная пасть почти усмехающиеся змеи электричества целенаправленно помещенные которых она видела весь день и слышала в музыке и увидела теперь в проводах), «Что ты творишь такое в самом деле хочешь убить меня током?» по этому сестры поняли – что-то действительно не так, хуже чем младшая из сестер Фокс которая была алкоголичкой и устраивала тарарам на улице и арестовывалась регулярно полицией нравов, что-то безымянно кошмарно зияюще не так, «Она курит дурь, она якшается со всякими странными бородатыми парнями в Городе». – Они

позвонили в полицию и Марду забрали в больницу – уже осознавая: «Боже, я видела как ужасно то что на самом деле происходит и готово произойти со мной и чувак я извлеклась из этого быстро, и разговаривала здраво со всеми с кем возможно и все делала правильно, они выпустили меня через 48 часов – со мною были еще женщины, мы выглядывали в окна и то что они говорили, из-за этого я поняла драгоценность того как в самом деле выберешься *наружу* из этих проклятых халатов и *наружу* оттуда вообще на улицу, солнце, мы видели пароходы, наружу и СВОБОДНО чувак бродить, как замечательно это в натуре и как мы никогда этого не ценим угрюмо внутри собственных забот и шкур, как *дураки* вообще, или слепые испорченные презренные детки надувшиеся из-за того что... им не дают... всех... конфет... которых им хочется, поэтому я поговорила с врачами и рассказала им...»

«И тебе негде было остановиться, где вся твоя одежда?» – «Разбросана повсюду – по всему Пляжу – мне надо было что-то сделать – они мне позволили пожить здесь, одни мои друзья, на лето. Мне придется выметаться в октябре». – «В Переулке?» – «Ага». – «Милая давай ты и я – хочешь поехать со мной в Мексику?» – «Да!» – «Если я поеду в Мексику? то есть, если я раздобуду денег? хоть у меня сейчас и есть сто восемьдесят и мы в самом деле действительно могли бы поехать хоть завтра и у нас бы получилось – как индейцы – в смысле задешево и жить в деревне или в трущобах». – «Да – было б так славно свалить сейчас». – «Но мы могли

бы или должны бы по правде подождать пока я не получу – я должен получить пять сотен понимаешь – и —» (и вот тогда-то я мог бы умыкнуть ее на груди своей жизни) – она говорила «Я действительно не хочу больше ничего общего ни с Пляжем ни с кем-то из этой банды, чувак, вот почему – наверное я заговорила или согласилась слишком рано, ты кажется уже не так уверен» (смеясь увидев как я все взвешиваю). – «Но я лишь обдумываю практические проблемы». – «Тем не менее если б я сказала “может быть” спорим – уууу это ничего», целуя меня – серый день, красный свет лампочки, я никогда не слышал подобной истории от подобной души кроме тех великих людей которых знал в юности, великих героев Америки с кем мы корешились, с кем я искал вместе приключений и садился в тюрьму и кого знал рваными рассветами, мальчишек битых на бордюрах узревших символы в переполненной канаве, Рембо и Верленов Америки с Таймс-сквер, пацанов – ни одна девчонка ни разу не тронула меня историей духовного страдания и столь прекрасно виднелась душа ее лучистая как ангел скитающийся по преисподней а преисподняя те же самые улицы по которым шлялся и я сам наблюдая, ища кого-то как она и никогда и не мечтая о тьме и тайне и неизбежности нашей встречи в вечности, громадность ее лица сейчас словно внезапная голова Тигра на плакате поодаль на дощатом заборе дымной свалки утром в субботу когда нет школы, непосредственная, прекрасная, безумная, под дождем. – Мы обнялись, мы при-

жимались тесно – сейчас это было как любовь, я в изумлении – у нас получилось в гостиной, с радостью, в креслах, на постели, спали сплетаясь, удовлетворенные – я покажу ей больше сексуальности —

Мы проснулись поздно, она не пошла к своему психоаналитику, она «просохатила» свой день и когда Адам вернулся домой и увидел нас в кресле снова по-прежнему за беседой а весь дом замусорен (кофейные чашки, крошки пирожных что я купил на трагичном Бродвее в серой итальянскости что так походила на потерянную индейскость Марду, трагическое Америко-Фриско с его серыми заборами, мрачными тротуарами, парадными промозглости, которое я из маленького городка и только-только из солнечной Флориды Восточного Побережья находил таким пугающим). – «Марду, ты просохатила стрелку с терапевтом, в самом деле Лео тебе должно быть стыдно и ты должен хоть немножко ответственности ощущать в конце концов...» «Ты имеешь в виду что я заставляю ее пускать по бороде обязанности... Я бывало делал так со всеми своими девчонками... ах ей будет полезно пропустить разок» (не осознавая насколько ей нужно). – Адам почти шутливо но и вполне серьезно: «Марду тебе надо написать доктору письмо или же позвонить – может прям счас и позвонишь?» «Это докторша, в городской и районной». – «Так позвони сейчас, вот тебе монетка». – «Но я могу и завтра, уже ведь слишком поздно». – «Откуда ты зна-

ешь что уже слишком поздно – нет в самом деле, ты сегодня действительно облажалась, и ты тоже Лео ты ужасно виноват крысеныш». А затем веселенький ужин, две девчонки пришли снаружи (с серого сумасшедшего наружи) к нам, одна свеженькая после переезда через всю землю из Нью-Йорка с Бадди Пондом, куколка такая лос-анджелесского хиппового типа с короткой стрижкой немедленно занырнула в грязную кухню и приготовила всем восхитительный ужин суп из черной фасоли (всё из банок) с еще кое-какой бакалеей пока другая девчонка, Адама, трепалась по телефону а Марду и я сидели виновато, смурно в кухне допивая выдохшееся пиво и думая что может Адам вообще-то и неправ насчет того что надо сделать, как следует взять себя в руки, но наши истории уже рассказаны, наша любовь упрочилась, и что-то печальное прокралось в глаза нам обоим – вечер продолжался веселеньким ужином, мы впятером, девчонка с короткой стрижкой позже сказала что я был так прекрасен аж глазам больно (что впоследствии оказалось присловьем Восточного Побережья у нее и у Бадди Понда), «прекрасен» так меня изумило, невероятно, но должно быть произвело впечатление на Марду, которая вообще за ужином ревновала из-за девчонкиных знаков внимания ко мне и потом так и сказала – мое положение так воздушно, уверенно – и мы все поехали кататься в девчонкиной импортной машине с откидным верхом, по теперь уже пустеющим улицам Фриско не серым а открывающим мягко жарко красные в небе между домов Мар-

ду и я откинулись назад на открытом заднем сиденье врубаясь в них, мягкие оттенки, обсуждая их, держась за руки – те впереди как веселая молодая международная парижская ту-совка едущая через город, девчонка с короткими волосами внушительно рулила, Адам показывал пальцем – ехали навестить какого-то парня с Русского холма собиравшего вещи на нью-йоркский поезд и судно во Францию где по несколько пив, светская болтовня, позже толпой пешком вместе с Бадди Пондом к какому-то литератору другу Адама Эйлуорду. Какому-то известному своими диалогами в «Текущем обзоре», владельцу великолепнейшей библиотеки, потом за угол к (как я сказал Эйлуорду) величайшему остроумцу Америки Чарлзу Бернарду, у которого был джин, и к старому седому гомику, и к остальным, и на всяческие подобные вечеринки, закончив поздно ночью когда я сделал первую глупую ошибку в своей жизни и любви с Марду, отказавшись идти домой со всеми остальными в 3 часа ночи, настаивая, хоть и по приглашению Чарли, остаться до рассвета смотреть его порнографические (гомо мужские сексуальные) картинки и слушать пластинки Марлен Дитрих, с Эйлуордом – остальные уходили, Марду устала и слишком много выпила кротко глядя на меня и не протестуя и видя какой я, на самом деле пьянь, всегда допоздна, всегда за чужой счет, громогласный, дурной – но любила теперь меня потому и не жаловалась и шлепала по всей кухне своими босыми смуглыми ножками в сандалиях за мною пока мы смешивали напитки и даже

когда Бернард заявляет что она украла одну порнографическую открытку (поскольку Марду в ванной а он говорит мне доверительно: «Дорогой мой, я видел как она сунула ее в карман, набедренный в смысле нагрудный») поэтому когда выйдя из ванной она что-то такое ощущает, вокруг нее педаки, странный пьяница с которым она тут, она не жалуется – первое из столь многих унижений нагроможденных на нее, не на ее способность к страданию но беспричинно на ее маленькие женские гордости. – Ах мне не следовало так поступать, заниматься лажей, длинный список попоек и пьянок и загулов и все разы когда я сбегал от нее, последняя встряска в такси вместе она очень просит чтобы я отвез ее домой (спать) а сам могу идти увидеться с Сэмом один (в баре) но я выскакиваю из машины, безумно («Я никогда не видела ничего маниакальнее»), и бегу в другое такси и срываюсь прочь, оставив ее в ночи – поэтому когда Юрий ломится к ней в дверь на следующую ночь, а меня нигде нет, а он пьяный и лезет, и прыгает на нее как он это обычно делает, она уступила, она уступила – она сдалась – забегая вперед в рассказе, сразу же называя по имени своего врага – боль, почему должен «сладкий таран их броска в любви» который вообще-то не имеет никакого отношения ко мне ни во времени ни в пространстве, быть как кинжал у меня в горле?

Проснувшись, затем, после веселья, в Небесном переулке, снова у меня пивной кошмар (теперь еще и после джина) и с угрызениями и снова почти и теперь уже безо всякой при-

чины отвращение маленькие беленькие частички-шерстинки от подушки набившиеся ей в черные почти проволочные волосы, и ее припухшие скулы и маленькие припухшие губы, мрак и сырость Небесного переулка, и еще раз «Надо идти домой, прийти в себя» – как будто никогда я не был с нею прям, а кривил душой – никогда не вдали от своей химерической рабочей комнаты и удобного дома, в чужой серости всемирного города, в состоянии БЛАГОПОЛУЧИЯ... «Но почему тебе вечно хочется срываться так скоро?» – «Наверное чувство благополучия дома, то что мне нужно, быть прямым – как...» «Я знаю бэби – но я мне не хватает тебя так что я ревную что у тебя есть дом и мать которая гладит тебе одежду и все такое а у меня нет...» «Когда мне вернуться, в пятницу вечером?» – «Но бэби тебе решать – сам говори когда». – «Но скажи чего ТЫ хочешь». – «Но я не должна». – «Но что ты имеешь в виду не должна?» – «Это как говорится – об – ох, да не знаю я» (вздыхая, переворачиваясь в постели, прячась, целиком зарывая виноградное тельце, поэтому я подхожу, переворачиваю ее, хлопаюсь на постель, целую прямую что сбегает с ее грудной кости, углубление там, прямо, вниз до самого пупка где она становится бесконечно малой линией и продолжается будто прочерченная карандашом дальше вниз а затем длится так же прямо под низ, и необходимо ли человеку добиваться благополучия от истории и мысли как она сама сказала когда у него есть эта суть, но все же). – Тяжесть моей нужды пойти домой, мои невро-

тические страхи, похмелья, ужасы – «Мне не надо было – нам не стоило переться к Бернарду вообще ночью – по крайней мере надо было пойти домой в три вместе со всеми». – «Я так и говорю бэби – но боже» (смеясь со всхлипыванием и смешно изображая голосок еле ворочающий языком) «ты никогда ни делаишш шшо я прашшу». «Оо прости меня – я тебя люблю – ты меня любишь?» – «Чувак, – смеясь, – о *чем* это ты» – глядя на меня с опаской – «Я о том чувствуешь ли ты ко мне расположение?» хоть она и обхватила уже смуглой ручкой мою напряженную большую шею. – «Естественно бэби». – «Но что за – ?» Я хочу спросить все, не могу, не знаю как, какова тайна того что я хочу от тебя, что такое мужчина или женщина, любовь, что я имею в виду под любовью или почему мне нужно обязательно упираться и спрашивать и почему я ухожу и бросаю тебя потому что в твоей бедной убогой квартирке – «Меня само место угнетает – дома я сижу во дворе под деревьями кормлю кота». – «Ох чувак я знаю что здесь душно – хочешь я подниму жалюзи?» – «Нет тебя все увидят – я буду так рад когда лето кончится – когда я получу эти бабки и мы поедем в Мексику». – «Ну чувак, давай как ты говорил поедем сейчас на те деньги которые у тебя есть сейчас, ты говоришь мы действительно можем поехать». – «Ладно! ладно!» мысль набирающая силу у меня в мозгу пока я делаю несколько долгих глотков выдохшегося пива и обдумываю глинобитную хижину скажем под Тешкоко за пять долларов в месяц и мы идем на рынок ран-

ним росистым утром она в своих сандалиях на милых смуглых ножках шлепая как жена как Руфь следуя за мною, мы приходим, покупаем апельсины, нагружаемся хлебом, даже вином, местным вином, мы идем домой и готовим чистенько у нас на плитке, сидим вместе за кофе записывая сны, анализируя их, мы занимаемся любовью у нас на постельке. – Вот мы с Марду сидим обсуждая это все, грезим, одна большая фантазия – «Ну чувак, – а зубки выпирают смехом, – КОГДА мы это сделаем – типа это был такой маленький отходняк, все наши взаимоотношения, все эти нерешительные облака и планирование – боже». – «Может нам следует подождать пока я не получу эти гонорарные башли – ага! в натуре! так будет лучше, потому что так мы сможем купить пишущую машинку и трехскоростной вертак и пластинок Джерри Маллигана и одежды для тебя и всего что нам нужно, типа того как сейчас мы ничего не можем». – «Угу – не знаю» (раздумывая) «Чувак ты знаешь у меня глаз никак не лежит на эти истерические дела бедности» – (утверждения такой внезапной силы и хипоты что я бешусь и иду домой и размышляю над ними много дней). «Когда ты вернешься?» – «Ну ладно, давай тогда в четверг». – «Но если ты в самом деле хочешь в пятницу – не позволяй мне мешать тебе работать, бэби – может лучше если тебе уходить на подольше». – «После того что ты – О я люблю тебя – ты...» Я раздеваюсь и остаюсь еще на три часа, и ухожу виновато поскольку благополучие, ощущение того что я должен бы принесено в жертву, пусть в

жертву здоровой любви, что-то во мне нездоровое, утраченное, страхи – к тому же я понимаю что не дал Марду монетки, хлеба в буквальном смысле, а только болтовню, объятья, поцелуи, я покидаю дом а ее чек по безработице до сих пор не пришел и ей нечего есть – «Что ты будешь есть?» – «О у меня еще остались банки – или может схожу к Адаму – но меня не тянет ходить туда слишком часто – я чувствую он теперь меня презирает, ваша дружба была, я вмешалась в то некое что-то которое у вас вроде...» «Никуда ты не вмешалась». – «Но тут кое-что еще – я не хочу выходить наружу, я хочу остаться внутри, никого не видеть» – «Даже меня?» – «Даже тебя, иногда господи я так вот чувствую». – «Ах Марду я весь в смятении – я не могу решить – нам следует что-то сделать вместе – я знаю что, я устроюсь работать на железную дорогу и мы станем жить вместе...» вот новая великая мысль.

(А Чарлз Бернард, огромность этого имени в космогонии моего мозга, герой прустовского прошлого в общей схеме какой я знал ее, только-лишь-фрискинской ветви ее, Чарлз Бернард который был возлюбленным Джейн, Джейн которую застрелил Фрэнк, Джейн с которой жил я, лучшей подруги Мари, холодными зимними дождливыми ночами когда Чарльз ходил по всему студгородку говоря что-нибудь остроумное, великие нетленки почти нездешнезвучащие фантомообразные и неинтересные если вообще достоверные но истинное положение и насущная до зуда важность не только

Чарлза но и доброй дюжины остальных в световой сетке моего мозга, поэтому Марду видимая в этом свете, это маленькое смуглое тело в постели с серыми простынями в трущобах Телеграфного холма, громадная фигура в истории ночи да но лишь одна среди многих, сексуальность РАБОТЫ – тоже внезапная животная радость пива когда видения великих слов в ритмическом порядке все в одной гигантской архангельской книге с ревом проходят сквозь мой мозг поэтому я лежу в темноте тоже видя тоже слыша жаргон будущих миров – дамажехе элеоут эеке дхдкдк длдоуд, – д, экеоэу дхдхдхегыт – лучше не больше чем лтхер эхе тхе макмёрфи из того дсадикат то которое он странно он делает мдодудлткип – басееаатра – плохие примеры из-за механических ограничений машинописи, потока речных звуков, слов, темных, уводящих к будущему и удостоверяющих безумие, пустоту, звон и рев моего разума кой благословен или неблагословен суть где деревья поют – на забавном ветру – благосостояние верит он отправится на небеса – слова мудрым хватит – «Смарт Сбрэндил», написал Аллен Гинзберг³.)

Причина почему я не пошел домой в 3 часа ночи – и пример.

³ Строка из боповой песни американского поэта Аллена Гинзберга (1926–1997), написанной им совместно с Джеком Керуаком в 1948 г.

Сперва я сомневался, поскольку она была негритяжкой, поскольку она была неряхой (вечно откладывала все до завтра, неприбранная комната, нестиранные простыни – да господи ты боже мой дались мне эти простыни) – сомневался поскольку знал что она была всерьез помешана прежде и снова запросто могла рехнуться и одна из первых вещей что мы сделали, в самые первые ночи, она пошла в ванную голой по запущенному коридору но дверь ее комнаты так странно скрипела что я слышал (улетев по чаю) будто внезапно кто-то подошел и стоит на лестничной клетке (типа может Гонзалес мексиканец типа бича или тусовщика вроде голубоватого такого который постоянно к ней навевывался по старой памяти о дружбе что она водила с какими-то пачуками из Трейси чтоб выхарить у нее каких-нибудь 7 центиков или стрельнуть пару сигареток причем постоянно обычно когда она была совсем на мели, иногда и чтоб забрать наличные пузырьки), думая что это должно быть он, или же кто-нибудь из подземных, в коридоре спрашивает «С тобой кто-нибудь есть?» и она голая, как ни в чем не бывало, и совсем как в переулке стоит себе и говорит: «Не-е чувак, приходи завтра я занята я не одна», такой у меня чайный глюк пока я там лежал, поскольку в стонскрипе двери был такой вот стон голосов, поэтому когда она вернулась из туалета я ей об этом

рассказал (все равно рассуждая честно) (и веря что это в самом деле было так, почти так, и по-прежнему веря в то что она активно безумна, как на заборе в переулке) но услышав мое признание она ответила что чуть не поехала снова и испугалась меня и чуть не вскочила и не выскочила прочь – по вот таким вот причинам, безумия, возобновляющиеся возможности для еще большего безумия, у меня были мои «сомнения» мои мужские скрывааемые внутри сомнения насчет нее, поэтому рассуждал: «Я просто когда-нибудь возьму и отвалю и найду себе другую девчонку, белую, белые бедра и т. д., а это был великолепный роман и надеюсь я не причиню ей боли». – Ха! – сомнения поскольку она неаккуратно готовила и никогда не мыла тарелки сразу, что сначала мне не понравилось а затем я потихонечку стал видеть что вообще-то готовит она отнюдь не неряшливо и тарелки моет через некоторое время а когда ей было шесть лет (рассказала она мне позже) ее заставляли мыть посуду за всей семьей ее дядьки-тирана и мало того все время заставляли выходить в переулок темной ночью с мусорным ведром каждую ночь в одно и то же время где она была убеждена ее поджидало одно и то же привидение – сомненья, сомненья – которых нет теперь у меня в роскоши минувшего. – Что за роскошь знать что теперь я хочу ее навсегда к своей груди мою награду мою единственную женщину которую буду защищать от всех Юриев и от кого бы там ни было собственными кулаками и всем чем угодно, пришло *ее*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.